

Каждому району — книжный магазин

Зримые приметы коммунизма в жизни нашей страны заключены не только в огромных событиях, таких, как новый всеобщий подъем социалистического соревнования, или поход за преобразование природы, или военные подвиги наших героев, но и в некоторых незначительных на первый взгляд и все же очень характерных и важных событиях. Таким событием, в ряду прочих, недавно явилось опубликованное в «Литературной газете» письмо тамбовских колхозников по поводу их решения построить у себя в селе, рядом с памятником Владимиру Ильичу, книжный магазин.

«Нам нужно книг много и разных, — писали колхозники из некогда темного и дурного угла Тамбовщины. — Многие в колхозе хотели бы приобрести сочинения и биографии Ленина и Сталина; колхозники Кочаров интересуются литературой по вопросам мироздания; Милохин, работающий в отрядной бригаде, хочет приобрести книги по специальности и художественную литературу; Иван Егорович Королков хотел бы купить произведения Горького; Звонкая и председатель родительского комитета Евдокия Япанова интересуется книгами по воспитанию. Многие из колхозников интересуются художественными произведениями, удостоенными Сталинских премий... Дичные библиотеки стали появляться у многих колхозников. Но покупать книги очень сложно. Надо в Тамбов ездить за книгами, искать...»

Таковы духовные потребности колхозного села, которые заставили общее собрание колхозников сельхозартели имени Ленина, Кирсаевского района, Тамбовской области, принять решение о книжном магазине.

У советских людей слово не расходится с делом.

Как сообщил нашим читателям секретарь Тамбовского обкома ВКП(б) тов. М. Крамалев, в колхозе уже готовятся к открытию нового магазина, который рассчитано открыть к 10 июля. К этому делу колхозники приглашают в гости писателей. Около сотни колхозов Тамбовской области, сообщает тов. Крамалев, последовало почтой колхоза имени Ленина.

Тамбовский колхоз подхватил в других местах страны. Об этом сообщает корреспондент, алтайский. Неприметно, на первый взгляд, событие культурной жизни советского народа становится и значительным и приметным.

В самом деле, в стране, не бывало разрывавшей горизонты деревенской жизни, потребность народных масс в книге удовлетворялась условиями коммунистического труда, возникновением новых профессий и специальностей, обменом с машинами, необходимостью ежедневно советоваться с передовой наукой, лаконом, необычайным расширением общественного, государственного интереса в жизни каждого — самого скромного — гражданина нашего общества.

Наш народ приоткрыл за чтением. Вкус в хорошей и умной книге воспитан советским образом жизни, рост духовных потребностей народа неразрывно связан с историческим делом партии большевиков — уничтожением пропасти между физическим и умственным трудом, между деревней и городом.

В нечеловеческих селах и деревнях нашей Родины зимними ночами миллионы людей впадают в сон, просыпаются под трагическим Ленин и Сталина, над книгами Мичурин и Вильямс, записывают книги советских писателей и классиков русской литературы. Но и в разгар лета, среди всевозможных трудов колхозного крестьянина, советская книга — она повсюду! Она и в вагончике тракторной бригады, и в шоферской кабинке, и в сельской сумке обездичивающего.

Партия Ленина — Сталина неослабно воспитывает в народе любовь к знанию, заботится о создании атмосферы духовной культуры в нашей стране. Книжки выходят у нас огромными, невиданными доселе тиражами. Достаточно сказать, что в одном лишь 1948 году издано свыше 40 000 названий различных книг и брошюр. Тираж — более 800 миллионов экземпляров! Подсчитано, что в одной лишь Москве около звуков тысяч человек ежедневно навещают в книжных магазинах.

Но так не в одной Москве. Так — по всей стране, тут нет исключения, об этом хорошо сказал Михаил Иванович Калинин: «Сейчас нет у нас «медвежьих» углов, сейчас каждый уголок нашей страны дышит: он — часть Москвы».

Такой частью Москвы считает себя Суздаль, Владимирской области, с его отличным книжным магазином, которым руководит энтузиаст своего дела Николай Васильевич Москвичев. Такой частью Москвы считает себя и Лысково, Горьков-

ской области, где хорошо работает, любовно распространяет книгу директор магазина Павел Степанович Липатов, и Чистозерье, Новосибирской области, где сотни любителей книги знают и уважают директора книжного магазина Ольгу Гавриловну Табанкову.

Многочисленные факты, к сожалению, говорят о возмутительном, бессмысленном сдвиге в сторону пренебрежения к вопросам книготорговли со стороны сельской потребительской кооперации, о непереворотности многих областных книготорговых организаций, о невнимании к заботам и нуждам книготорговли со стороны некоторых районных комитетов партии и районных советов.

Несмотря на всенародную необходимость в книге, потребительская кооперация с ее многотысячной разветвленной сетью сельских магазинов и лавок сельско еще не приступила вплотную к торговле книгой. В Ленинградской области, например, при наличии 32 районов и более 5000 сельских магазинов потребительская кооперация собирает торговать книгой в этом году лишь в двух магазинах культурторов в 35 сельских магазинах и 66 лавках сельско.

Планы торговли потребительской кооперации по книгам недопустимо низки. Можно ли, в самом деле, удовлетворить тем, что Воронежской области потребовало с его сотнями магазинов влезла за год продать книг сельскому населению области всего лишь на... полтора миллиона рублей! Можно ли мириться с тем, что в Тамбовской области огромное количество литературы по животноводству лежит мертвым грузом на складах!

«Надо в Тамбов ездить за книгами» — эти слова из письма тамбовских колхозников должны быть восприняты как горячий и суровый укор областному кооператорам. В Алтайском крае даже явилось занятием «вольготный» план распространения книги на селе силами потребкооперации выполнен в апреле всего лишь на 46,1 процента.

Опыт книготорговли в селах и деревнях страны подсказывает необходимость немедленно изменить «право» потребительской кооперации возвращать непролазную литературу, ибо это «право» используется во многих случаях неравными сельскими кооператорами для возмутительной самовидания книжной торговли на селе. Нельзя терпеть более безобразную, по существу антипартийную, практику некоторых горе-директоров сельской потребительской кооперации, когда книги возвращаются из села буквально в пересказанных тьюках.

Всенародное требование, предъявляемое ныне книготорговле организациями Главинформфиздата, должно быть также выведено со всей большевистской энергией и решимостью. Речь идет сегодня о том, чтобы покрыть всю страну сетью книжных магазинов. Пора перестать мириться с пыльной книжной полочкой в темном углу магазина культурторов среди балазак, тьюбоек и заводных лягушек! Пора в каждом районе страны, во всех ее республиках завести хороший книжный магазин! Пора, наконец, судить о культурном облике каждого районного центра и по его книжному магазину!

В условиях огромного развития сельской книготорговли книжный магазин в районном центре должен осуществлять не только собственную задачу розничной торговли, но должен также стать оновным звеном всей системы книготорговли в районе, что позволит ликвидировать излияние звенья оптовой системы других книготорговых организаций.

Дело чести общественных организаций каждого города — снабдить свой книжный магазин культурными, любимыми книгу директором — большевиком, организатором, энтузиастом, способным воздействовать на все сельское население. Только такой директор сумеет сделать свой книжный магазин одним из самых массовых общественных учреждений города, сумеет изучить запросы покупателей, создать необходимую рекламу книге, связаться с комсомолом, учителями, сельскими активными агитаторами, библиотекарями, избачей, чтобы по всем дорогам и тропам района направить отряд своих книголюбов — пламенных распространителей культуры на селе.

Велика и почетна обязанность работников книготорговли в районе! Не обеспечить государственного успеха дела книготорговли можно лишь с помощью и при отеческой заботе со стороны районных руководителей.

Нет возможности развивать книжную торговлю в районе, не обеспечивая ее в первую очередь помещением для оптовой базы. Нет возможности развивать книжную торговлю в районе, не повышая культуру, квалификацию и политическое образование работников прилавка. Нет возможности развивать книжную торговлю в районе, не поощряя рождение и воспитание нового типа культурного работника на селе — книгоношу. Таковы неотложные задачи скорейшего обеспечения колхозного населения страны книгой — этим верным глашатаям коммунизма, пропагандистом нашей большевистской идеологии, оружием организации народных масс, повышения их образованности и культуры!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 44 (2531)

Среда, 1 июня 1949 г.

Цена 40 коп.

ИХ ВОСПИТАЛА РОДИНА

Н. КАЛИТИН

Передо мной большая стопка учебнических тетрадей. Разные почерки, от еще по-детски ровных и угловатых до вполне сложившихся, уже носящих на себе отпечаток индивидуальности автора, разная степень четкости и зрелости мысли, разное содержание, подкаленное занаванной темой. Читатель догадался, что речь идет о выпускных работах десятиклассников, сейчас уже славных первые экзамены и напряженно готовящихся к дальнейшей проверке их знаний.

Так вот они, выливающиеся в живые образы первые итоги десятилетней работы, мысли и чувства молодых граждан, взращенных и воспитанных советской Родиной. Что в них, в этих образах, мыслях, чувствах? Ответ подсказывается сам собой всем содержанием, эмоциональным строем, устремленностью юношеских сочинений.

Недавно на уроке литературы в одной из московских школ произошел следующий разговор между преподавателем и вызванным им ученицей.

Разошлось выступление Маяковского к поэме «Во весь голос». Были процитированы строки:

Для вас, которые здоровы и ловки, поэт выливал чохотынки плевок шершавым языком плаката.

— К кому обращается здесь поэт? — спросил учитель.

— К нам, — последовал ответ.

— К кому — к нам? Помните начало строфки: «Потомки, словарик проверте поплавок».

— Ну да, я и говорю — к нам!

Преподавателю нечего было возразить. Да, те «ребята веков», через которые обрала великий поэт свои слова к людям коммунистического общества, для нашего юношества уже в значительной степени пошла. И уже к себе относят они строки Маяковского, говорящему, «как живой с живыми».

Этот случай напоминает мне при третьи выпускных работ учащихся. Да, уже «во всем, армо» ощущая это завтра, творцы и свидетели которого они являются, говорят сегодня советские юноши и девушки, вступающие в жизнь, о тех, кто боролся за их священное право на творческое участие в этой жизни.

«Что может быть прекрасней нашей светлой жизни, когда все дороги открыты перед тобой, когда самые прекрасные и частые мечты, желания, стремления овладевают тобой, когда ты полон сверх сил, энергии, бодрости? Мы идем вперед, оставляя лицо свежее ветру... И разве мы позволим врагу разогнать наше счастье, наши мечты? Нет! Этого никогда не будет! И пусть знают все враги нашей Родины, что молодежь, комсомолец, не залюбуется, отдаст самое дорогое — свою жизнь для блага всего человечества».

Так пишет в своем сочинении ученица 131-й московской школы М. Пожарская.

С подлинной молодой дерзостью обращается ученица 349-й школы столицы

Беру следующую тетрадь — ученика другой школы — и вижу в ней как бы развитие, продолжение этой мысли: «Героизм нашего человека, нашего воина является сознательным героизмом, когда на подвиги зовут человека великие идеи свободы и вера в нее. Совершать героические поступки помогает ему неугаимая вера в силы освободительного народа, в торжество правды и счастья, которая освещает героический путь наших людей силой «свободной, широкой и ясной». Такого героизма не знала старая Россия, не знала мир».

Эти строки — из сочинения Э. Воробьева (186-я школа) на тему «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот».

Труд — основное содержание, цель и смысл жизни советского человека. Что же думает наша молодежь о труде, как же пишет она о нем? Вот передо мной в одной из тетрадок горячие строки о труде «Кружильники» и «Мужество», «Счастье» и «Далеко от Москвы»: «Из труд — это труд молодых строителей коммунизма, вздохновенный, творческий. Они не представляют себе жизни без труда, в продолжении трудностей находят они счастье». «День наш тем и хорош, что труден» — эти слова Маяковского бесконечно близки каждому из них».

В лучших работах, посвященных историко-литературным темам, проблемам народности и идейности литературы, вопросам социалистического реализма, вараду с широтой и основательностью знания литературного материала видна смелость обобщений и сопоставлений, ясность и четкость выводов.

Я не могу процитировать здесь десятки отличных работ о народности поэзии Пушкина и Некрасова, о реализме Маяковского, о творчестве Льва Толстого и А. М. Горького. Ограничусь одним лишь отрывком из работы выпускника школы рабочей молодежи В. Краева.

«Социалистический реализм — лучший исследователь литературы. — Это взгляд на сегодняшний день человека, который знает, что будет завтра. Социалистический реализм — это сочетание реальности сегодняшнего дня с дерзкими замыслами и мечтами о будущем. Только социалистический реализм дает подлинно правильное толкование жизни. Только социалистический реализм является многогранным, всесторонним, благоларым для любого передового писателя методом. Этот метод — метод литературы партийной, литературы, тесно связанной со своим народом, литературы передового, социалистического общества, где писателю всегда и до всего есть дело».

Пусть это не истерпяющее определение, но немало серьезных мыслей сумел высказать автор в этих нескольких строках.

Да, ясен душевный мир нашей молодежи, благородны ее порывы, прекрасны дерзания, непоколебима уверенность в торжестве великого дела, на борьбу за которое идет она, взращенная партией, вдохновляемая великим Сталиным. Как прекрасно должно быть то завтра, которое принадлежит нашей молодежи!

«Рождение нового человека — это путь революционной борьбы, путь лишений и трудностей, путь радостных побед и творческого труда. Советский человек родился в боях революции, он прошел сквозь их очистительное горнило и вошел в жизнь как хозяин своей судьбы, как властелин и преобразователь мира. Он нес миру новые черты, способность строить жизнь на новых началах, возвышать понятие «человек», завоевывать ему новое место в природе». Так хорошо отточившая мысль записана не вполне сформировавшимся потерком в тетради В. Борисова.

ОБЛИК МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ф. ВИГДОРОВА

Май. Шумит на улицах весна, молодой ластовый зеленеет деревья, а в школах стоит напряженная, деловитая тишина первых экзаменов.

Уже проверены книги вложенных, сочинений и письменных работ по арифметике и математике, уже кончатся экзамены в начальной школе — и кита прошла всего декада с начала экзаменов, уже можно сделать какие-то первые, предварительные выводы. Каждый экзаменационный листок с печатью и номером школы говорит о многом. Не только о знаниях, о грамотности, об аккуратности и красоте почерка, — нет, он рассказывает нечто и об авторе, даже если этому автору только одиннадцать лет.

Вот изложение, написанное ученицей четвертого класса 92-й школы Красногвардейского района Москвы. Речь идет в нем о трех подростках из деревни Солнечной, которые мечтают о своем будущем, о том, как отстроят и украсят ими риную деревню. Девочка все пересказала тьюково, подробно и грамотно, но этого ей мало. И в конце изложения она добавляет от себя: «И не только деревня, где живут эти школьники, а все города и деревни нашей страны будут хорошо отстроены и зацвуют на базисе Родины».

Другая ученица уверенно приписывает в конце изложения: «Когда эти ребята подрастут, все мечты их сбываются. Мы живем в Советском Союзе. О чем мы мечтаем, то все у нас исполняется». Таких слов тоже нет в тексте рассказа. Но как удержаться и не прибавить то, в чем убеждена, что для тебя так важно и необходимо?

Маленькие советские граждане самостоятельно думают, рассуждают. Это вошло у них в привычку, стало потребностью — и это хорошо.

«20 мая, в один и тот же час села за парты и десятиклассники в Москве и Ленинграде, в Минске, Киеве и Тбилиси, всюду, во всех уголках нашей большой страны.

А несколько дней спустя они отвечали по билетам на устном экзамене, и самые разнообразные вопросы были в этих билетах. Они охватывали ролеую литературу — от «Слова о полку Игореве» до наших дней. Писали сочинения и отвечали на вопросы по билетам совсем разные, но покое друг на друга юноши и девушки, с разными характерами и склонностями. Они мечтают о разном и выбрали для себя разные жизненные пути. Но на какую бы тему ни писали свои выпускные сочинения, на какой бы билет ни привелось им отвечать, каждый непременно говорил и о своих взглядах на мир, на человека и его назначение.

Во все времена много томов, много философских трудов, романов и поэм посвящалось одной «вечной» проблеме: счастье и тому, как его достичь. Счастье — енная птица. Оно неуловимо, оно летает в руки лишь редким избранныкам — так было всегда. Кто из героев литературы прошлого был счастливым? Романы и повести Тургенева говорят о несостоявшемся, неуспешном счастье, пьесы Чехова — мечта о счастье, которое придет бог знает когда; быть может, через десятилет. А те, кто добился его, не счастливы, хотя бы удача, — какой путь привел их к счастью? Кошешь достигнуть чего-то в жизни — не шали никого, думать только о себе, поирай человеческие сердца, шагй через трупы... свирепая, звериная мораль, бесчеловечное и отвратительное счастье.

Но вот слушаешь ответы старшеклассников о героях литературных произведений, читаешь их сочинения — и видишь: решение этого «вечного» вопроса для них несомненно; они твердо знают, зачем живут; знают, что такое счастье, как его найти и удержать.

Трудовой подвиг почти всегда кажется не таким ярким, не таким потрясающим, как подвиг воина в бою. Об этом можно спорить, во мне кажется, что это неверно: подвиг в труде требует не меньшего мужества, большой выдержки и силы воли. И опослеб на него только настоящий человек.

Это своя мысль — простая, может быть, очевидная для взрослого, но здесь она — итог раздумья, а, пожалуй, и слора с самим собой. И этим она ценна.

И еще одну особенность замечаешь на экзаменах: хозяйское отношение школьников к своим знаниям, умение распорядиться своим багажом, перенести мыслью из одной эпохи в другую, видеть и оценить события далекого прошлого с точки зрения нашего сегодня.

Шестой класс 610-й школы, экзамен по истории. Отвечает тринадцатилетняя девочка с липом, щедро пылочелпым веснушками. Ей остался 27-й билет — о ластовых весточках, гуннов и вызвало на занавую Римскую империю. Она тьюково и подробно рассказывает обо всем и в заключение горячо добавляет:

«С тех пор валадимом называют бессмысленное разрушение. Вот почему мы и фашистов называем вандалами — они были неважидны, они презирали искусство, памятники старины и культуру. Они разрушали дом Льва Толстого в Исной Поляне и еще много дорогого и нужного всем людям».

А юноша-тринадцатиклассник на вопросе по дарвинизму отвечает на вопрос о расах. Он не удовлетворяется перечислением существующих рас, но с гневным презрением говорит о фашистской расовой теории, о тех, кто твердит, что они люди «выше» других, потому что у них другая форма генова или цвет кожи.

«Вся атмосфера, в которой прохлдет сейчас экзамены, бодрая, спокойная, почти праздничная. Перед экзаменационными комиссиями оив за другом прохлдет мальчики и девочки, юноши и девушки — славное молодое племя советских людей. Раво еще подышать итоги экзаменов, но уже можно сказать: хорошее, радующее начало!»

50-летие Л. М. ЛЕОНОВА

Дорогой

Леонид Максимович!

Правление Союза советских писателей СССР с чувством глубокого уважения и искренней сердечности приветствует Вас в день Вашего пятидесятилетия, почти совпадающий с тридцатилетием Вашей многогранной литературной и общественной деятельности.

Нам хорошо виден Ваш большой и сложный творческий путь, отмеченный горячим стремлением правдиво отобразить великую эпоху социалистического преобразования нашей Родины. Человек большого сердца и яркого литературного дарования, руководимый презантой любовью к России в русскому народу, Вы чутко ощущали величие наших дней и красочно отображали решительный поворот к новому в таких Ваших произведениях, как «Барсуки», «Сог», «Дорога на океан». В годы Великой Отечественной войны Вы отдали свой талант борьбе за независимость, честь и достоинство нашей великой Родины. Ваша замечательная публицистическая деятельность сочелась в годы войны с творчеством художника-патриота, создавшего уютную Сталлинскую премию пьесе «Пашетиве» и повести «Вяте Вайкошумска».

Активное участие в жизни характеризует Вашу деятельность в последующие годы. С восхищением мы отмечаем Ваши яркие талантливые выступления, прославляющие «зеленого друга» — лес и савы Советской страны.

Много сил и энергии Вы отдаете литературно-общественной жизни, активно участвуя в работе президиума и секретариата Союза советских писателей, редакционной коллегии «Литературной газеты» и ряда общественных организаций. Выражением сдого высокого доверия народа является избрание Вас депутатом Верховного Совета СССР.

Дорогой Леонид Максимович, Вы в полном папите творческих сил. Мы гордимся Вами и от души желаем Вам здоровья, неиссякаемой энергии еще на многие и многие годы, горячо желаем Вам новых творческих достижений, вдохновляющих советский народ на новые подвиги в его победоносном движении к коммунизму!

А. ФАДЕЕВ, К. СИМОНОВ, Н. ТИХОНОВ, В. ВИШЕНСКИЙ, А. СОФРОНОВ, Б. ГОРБАТОВ, Ф. ПАНЧЕРОВ, А. СУРКОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, В. ЕРМИЛОВ, К. ФЕДИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Л. СОБОЛЕВ, И. ЗРЕНБУРГ, С. ШИПАЧЕВ, С. МАРШАК, А. ПЕРВЕНЦЕВ, В. АЖАЕВ, А. ЖАРОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, О. КУРГАНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

* * *

Вчера в Центральном доме литераторов состоялся творческий вечер Леонида Максимовича Леонова в связи с 50-летием со дня рождения писателя.

Вечер открыл и приветствовал юбиляра от имени правления Союза советских писателей СССР заместитель генерального секретаря Союза писателей Н. Тихонов. Вступительное слово о творческом пути Леонида Леонова проанес Е. Сурков.

С теплыми приветственными словами выступили писатели и деятели искусства Б. Горбатов, В. Ермаков, К. Федина, С. Маршак, М. Ауэзов, И. Соколов-Микитов, А. Белашинский, П. Марков (от МХАТа), Л. Шаповалов (от Малого театра), Е. Самойлов (от Московского театра драмы), В. Пименов (от Комитета по делам искусств СССР) и другие. На имя юбиляра поступили многочисленные приветствия от имени литературно-художественных журналов, газет, издательств, театров, столичных литераторов. В заключение состоялся концерт, где были исполнены сцены из пьес Л. Леонова и прочитаны отрывки из прозаических и публицистических произведений писателя.

ЗА БОЕВУЮ СОВЕТСКУЮ САТИРУ!

Четыре дня продолжалось всесоюзное совещание писателей-сатириков и фельетонистов в художников-сатириков.

На заседаниях секции обсуждалась творчество С. Смирнова, Л. Ленча (Москва), С. Олейника (Киев), Н. Шагурина (Симферополь), А. Дашкевича (Краснодар) и других писателей, а также работа сатирической газеты «Еж», выходящей на одном из заводов Башкирии.

В прениях, которые состоялись по докладу, выступили делегаты многих республик и городов Советского Союза: А. Козоренко (Киев), А. Званцев (Ростов-на-Дону), М. Гурьян (Молотов), С. Климанов (Львов), М. Левитин (Ленинград), И. Энгелтов (Ленинград), А. Салыков (Вак), П. Силс (Рига), А. Бешменский, Л. Ленча, А. Макаров, Г. Рыжков, Б. Ермаков, С. Пивец, Ф. Бабенцева и другие.

Большинство выступивших отмечало улучшение качества журнала «Крокодил», оживление деятельности секции сатиры и юмора Союза писателей. Вместе с тем участники совещания указывали на существующие недостатки в работе редакции журнала, до конца еще не сумевшей выполнять все требования и указания Центрального Комитета партии.

Журнал обходит молчаливо многие важные темы современности. Мало публикует материалов о сельском хозяйстве нашей Родины, в то время как развитие социалистического сельского хозяйства я его движение вперед кое-где мешают еще косность, бюрократизм, нежелание нных работников. Журнал не ведет борьбы с религиозными пережитками в сознании людей, остатками старого быта. Пока что «Крокодил» привлек к работе очень незначительное количество новых авторов.

Многие жанры отсутствуют на страницах «Крокодила»; редко печатаются басни, эпиграмы, пародии, фельетоны в стихах и т. п.

Нарзела необходимость, — подчеркнул участники совещания, — образовать в литературно-художественных журналах отделы сатиры и юмора.

Много внимания совещание уделило вопросам мастерства писателей и художников, работающих в жанре сатиры и юмора. Особенно остро говорилось об отсутствии теоретических и критических работ о жанре сатиры и юмора.

С заключительным словом выступил главный редактор «Крокодила» Д. Беляев. Б. Горбатов, закрывая совещание, говорил о том, насколько изменились условия нашей жизни, как дурно выросла советские люди. Поэтому чувство нового человека не должно покинуть писателя. При помощи старых мерок, по старинным, замшелым сюжетам сейчас писать нельзя. Нужно изучать жизнь, вглядываться в нее, идти в ногу со страной. В этом — секрет успеха для всех писателей, в каком бы жанре они и работали.

Автолавка пришла в колхоз «Восход социализма» (деревня Губино, Орехово-Зуевского района, Московской области). Фото Е. ОДУД.

Слава наших путешественников

Превращение круга дореволюционной России, боясь народа и желая подорвать его веру в свои творческие силы, стремилось создать атмосферу рабства перед всем иностранным. Это предательство национальных интересов имело место и в области географической литературы. Развращенный низкопоклонства из реакционной буржуазной интеллигенции — связанные с иностранным капиталом издатели, продавшие им журналисты, популяризаторы-ремесленники — замалчивали достижения русских ученых-географов и путешественников и поднимали на щит иностранных.

Расписывались подвиги Кука в высоких южных широтах — и оставался в тени такой выдающийся факт нашего научного превосходства, как открытие русской экваториальной материка Антарктиды. Создавался культ «открывателя Индия» Васко да Гамы — и замалчивалось, что русский путешественник Афанасий Никитин проник в Индию раньше Васко да Гамы на четверть века. Пропагандировали Норденшельда, якобы первым из людей обогнувший самую северную точку Сибири, тогда как теперь всем известно, что русские мореходы плавали в тех местах на два с половиной века раньше, чем Норденшельд.

Труды самых знаменитых наших путешественников издавались редко, — даже книги Н. Пржевальского, который был подлинно народным героем, до революции не переиздавались ни разу! А плыть работы и вовсе не были опубликованы, также, например, как полное описание путешествия на Тянь-Шань П. Семенова-Тян-Шанского — гордость русской географической науки.

Радиостатьи, что ныне у нас, в советской стране, осуществлено полезнейшее культурно-политическое дело: уже опубликованы многие из классических трудов русских путешественников. За весьма короткий срок — неполные два года — Государственным издательством географической литературы выпущено около двадцати больших иллюстрированных книг.

Русский народ — народ великих географических открытий — встает со страниц этих книг. Вопреки путам самодержавно-помещичьего строя, вопреки противодействию властей, исполнению рабщины перед всем иностранным и предубеждения ко всему русскому, наш народ выдвинул из своей среды умных и мужественных деятелей, которые, проявляя необычайную силу воли и самую высшую преданность, проследили свет передовой русской культуры по огромным просторам России, вплоть до берегов Тихого океана и рубской Центральной Азии.

Перед нами возникает обаятельный образ сына петровского солдата — Степана Крашенинникова, который, подобно своему современнику Ломоносову, выдвинулся благодаря таланту и упорству из глубин народа и, подобно тому же Ломоносову, стал одним из первых русских академиков.

Он провел с научными целями несколько лет на Камчатском полуострове. Страшная нужда, на которую обрекла его тогдашняя администрация, не помешала ему создать обширное «Описание земли Камчатки». Богатством идей, совершенством методики, мастерством изложения этот сын русского народа навсегда опередил западноевропейских ученых.

К нашим славным землепроходцам принадлежат и Геннадий Иванович Невельский. Со своими сподвижниками он совершил подвиг, имеющий исключительное научное и государственное значение. Невельский первый вошел в устье Амура и первый установил, что Сахалин — полуостров, а остров. Неомная заслуга Невельского, поднявшего русский флаг над огромной территорией Нижнего Приамурья, Приморья и Сахалина. Безыскусственный, сдержанный рассказ об этом подвиге звучит потрясающе. Всегда преданный своей благородной идее, Невельский не отступил ни перед чем — ни перед суровой природой, ни перед голодом во время зимовки, ни перед угрозами жестокого вассала, которым бюрократический Петербург пытался сдержать его пыл. Он смело действовал «вне поселений», — и в результате «нашепском» стал тот край, где ныне растут и крепнут советские твердыни — Владивосток, Хабаровск, Комсомольск, Советская Гавань...

О славных подвигах во имя родины и науки читаем мы в трудах и других наших морских путешественников. Офицер русского флота, выдающийся ученый-географ Федор Петрович Литке, впоследствии ставший президентом Российской

Н. МИХАЙЛОВ

академии наук и одним из основателей Географического общества, повествует в своих книгах — содержательных и богатых мыслями — об изучении берегов Новой Земли и о кругосветном плавании.

О путешествиях вокруг света рассказывают в своих увлекательных книгах-отчетах Ю. Лисянский и О. Коцебу. В них мы видим природу Арктики и тропиков, борьбу парусных кораблей с океанскими штормами, преодоление мелей и рифов в неисследованных дотоле местах, а главное, постигаем благородный и отважный характер русских мореплавателей.

Столь же настойчиво и смело работают во имя культуры русские путешественники в глубинах азиатского материка. Эпоху блестящих сухопутных экспедиций в пустыни и горы средней Азии начинают Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский своим классическим путешествием по ледникам Хан-Тенгри. Около ста лет назад на Тянь-Шане еще существовал патриархально-родовой быт, и Семенов был там первым посланцем передовой русской культуры.

Русский путешественник показал высокий, так и не достигнутый западноевропейскими учеными образ комплексного, всестороннего географического исследования, имеющего своим предметом не только природу, но и жизнь местного населения. Н. Северцов, Н. Пржевальский, Г. Потанин, Г. Грум-Гржимайло, П. Коков, — все они вышли из прогрессивной семоново-тишевской школы. Смелые рассказы о таинственном Памире, о поднебесном Тибете, о необжитой Монголии, о безжизненной пустыне Гоби эти замечательные русские ученые заменили систематическими фундаментальными исследованиями.

Широко известно имя Николая Михайловича Пржевальского, «великого охотника», одного из самых замечательных путешественников всех времен и народов. Неумоимо повторяя экспедиции за экспедицией, он, как известно, описал много новых горных хребтов, нашел истоки великого река Хуан-ха и Индус-пань открыл диких лошадей и дикого верблюда, собрал огромные научные коллекции. Трудно достижимая, дотоле почти неизвестная середина самого большого из материков была впервые изучена и блестяще описана им. Жажда познания, необычайная целеустремленность, всепоглощающее мужество, нестягаемая любовь к родине и стремление прославить ее — вот характерные черты Пржевальского. О Пржевальском и людях, подобных ему, писал А. П. Чехов:

«Их преданность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями различию счастья невозможное стремление к разуме и к истине, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам... делают их в глазах народа полубогам, олицетворяющим высшую нравственную силу».

Знакомая с трудами путешественников, выпущенными Географиздатом, читатель составит себе представление о характерных особенностях русской классической географии — одной из отраслей русской культуры.

В основе работ русских географов всегда лежит необычайное обилие настойчиво собранных, тщательно проверенных, глубоко продуманных и обобщенных фак-

тов, — это придает русским географическим произведениям громадную убедительность и достоверность, большую научную значимость и утверждает их теоретический приоритет перед географами Запада.

Глубокий гуманизм пронизывает всю деятельность передовых русских географов, они без предубеждения относятся к другим народам и никогда не делают людей на «низшие» и «высшие» расы, как это делали германские и делают современные американские географы — апостолы захватнических войн.

В том же Географизде выпущено несколько книг зарубежных путешественников. Никто не намеревается умалять их действительных заслуг. Но сопоставление этих людей с ведущими русскими путешественниками оттеняет все величие последних.

Вот Ливингстон — прекраснотупый миссионер, деятельность которого в условиях капитализма помимо его воли привела к подготовке колониального порабощения негров. Вот Стенли — журналист, ставший путешественником, и притом активным участником империалистического раздела Африки. Вот американец Пирри — не ученый, а рекордсмен, нарочно взявший с собой на Северный полюс негра и аскосомов, а не «равных» себе «белых» людей, чтобы не делить с ними славы...

Русские географы-классики всегда исходят в своих работах из интересов родины, обращаясь в своих трудах к народу, — и именно в этом устремлении находят силу и краски их язык, всегда яркий, а подчас подлинно художественный.

Книги русских путешественников-классиков не только служат службой нашим специалистам-географам, но и составят увлекательное и полезное чтение для каждого, ибо они с наибольшей, воодушевляющей силой возмещают благородные традиции передовой русской культуры.

Издание путешествий в Географизде рассчитано на широкого советского читателя. В связи с этим издательство силами редакторов-специалистов провело в полных книгах небольшие, — впрочем, по объему и малозначительные по смыслу — сокращения, а также в ряде случаев устранило архаичность языка. Редакторы снабдили вышедшие книги комментариями и предисловиями. Однако, некоторые вводные статьи не дают достаточно правильного и глубокого анализа деятельности ученого, слабо корректируют произведение с точки зрения современной науки, не показывают исторической и социальной ограниченности, которая была свойственна авторам. Кроме того, при редактировании текстов не везде проявлены должное литературное умение и такт, в результате чего иной раз утрачивается дух той эпохи, когда книга создавалась. Пострадал, например, Коцебу с его отчаянным, самоубийственным языком. Не забудем, что у русских географов, как правило, произведение не только научное, но и литературное. В вышедшей серии не чувствуется единства издательского замысла. Одни книги, — например, работы Пржевальского, — сопровождаются богатым аппаратом примечаний и комментариев, другие, — скажем, сочинение Грум-Гржимайло, — их почти не имеют.

В заключение хочется пожелать, чтобы наши географы создали, а Географизд опубликовал возможно больше современных географических произведений, где были бы показаны красота и богатство нашей родной земли, где рассказывалось бы о замечательных путешествиях и открытиях советских ученых, помогающих изменению и преобразованию природы.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

„Разговор об унылой машине“

Заместитель министра сельскохозяйственного машиностроения СССР тов. С. Бунин сообщает редакции:

Статья «Разговор об унылой машине» справедливо критикует внешнее оформление и другие недостатки велосипедов производства пензенского завода им. Фрунзе. В связи с выступлением «Литературной газеты» министерство обязало директора завода тов. Бутузова ускорить модернизацию и расширение ассортимента велосипедов. Завод обязан выпускать значительную часть велосипедов с цветной окраской. Увеличивается выпуск машин с никелированными и хромированными деталями. В ближайшие дни начнется сборка вновь освоенных дамских велосипедов. Завод начинает выпуск машин с багажниками, с поворотными рулями и ручными тормозами.

ПЕНЗА. (Спец. корр. «Литературной газеты»). Бюро Пензенского городского комитета ВКП(б) обсудило корреспонденцию писателя Е. Пермяка «Разговор об унылой машине», опубликованную в «Литературной газете» 21 июля 1949 года. Бюро приняло критику работы велосипедного завода правильной и своевременной. Выпускаемые велосипеды не отвечают запросам и требованиям потребителей. Руководство предприятия уделяет недостаточное внимание улучшению качества велосипедов, в результате выпускаемая продукция имеет конструктивные дефекты. О недостаточном внимании к качеству продукции свидетельствует и то обстоятельство, что в мае завод выпустил 2000 цветных машин завод не выполнил.

Бюро горкома ВКП(б) отметило незначительное отношение к борьбе за качество продукции со стороны партийного, профсоюзного и комсомольского комитетов велосипедного завода. Серьезное бригад отличного качества разрешено слабо; извещений патристический призыв текстильщиц Рожневой и Кононенко на заводе не подхвачен.

Вопросам улучшения качества и внешнего вида выпускаемой продукции уделяется недостаточное внимание и в ряде других предприятий города Пензы, а в том числе на заводах системно-аналитической, часовой, текстильной машиностроения.

Бюро Пензенского горкома ВКП(б) приняло к сведению заявление директора велосипедного завода тов. Бутузова и парторга ЦК ВКП(б) тов. Седова о том, что уже разработаны организационно-технические мероприятия, направленные к существенному улучшению качества пензенских велосипедов. В июльском выпуске будет 50 процентов, в июльском — 75 процентов никелированных машин.

Бюро горкома ВКП(б) обязало директора велосипедного завода тов. Бутузова и парторга ЦК ВКП(б) тов. Седова принять меры к устранению недостатков, отмеченных «Литературной газетой».

Горком ВКП(б) обратился в областной комитет партии с просьбой поставить перед Министерством сельскохозяйственного машиностроения вопрос об оказании заводу помощи материалами, необходимыми для производства более широкого ассортимента машин.

В июне намечено провести технические конференции на всех предприятиях Пензы, посвященные качеству изделий. Райкомом ВКП(б) и секретариатом первичных партийных организаций предложено обсудить корреспонденцию «Разговор об унылой машине» и наметить практические мероприятия, направленные к улучшению выпускаемой на каждом предприятии продукции.

Научное студенческое общество лингвистов

В Гродненском педагогическом институте создано научное студенческое общество лингвистов. Члены общества ведут большую научно-исследовательскую работу в области русского и белорусского языков. За последнее время студенты сделали пятнадцать докладов и восемь научных сообщений на различные темы. Лучшие работы опубликованы в издаваемом институтом журнале «Молодой советский лингвист».

Членами нынешнего года члены общества примут участие в научной экспедиции по изучению особенностей белорусского языка крестьян Скальского и Гродненского районов.

Пламенный пропагандист коммунизма

К трехлетию со дня смерти М. И. Калинина

Выдающийся деятель Советского государства, один из организаторов и строителей нашей партии, верный соратник Ленина и Сталина, М. И. Калинин всю свою прекрасную жизнь был неутомимым пропагандистом идей коммунизма. Образовавшийся марксист, человек большой культуры, соединяющий в себе огромный жизненный опыт с глубоким знанием революционной теории, М. И. Калинин неустанно пропагандировал и утверждал принципы коммунистической морали.

В речах, докладах печатных выступлениях М. И. Калинина, посвященных задачам социалистического строительства, возложена стройная система взглядов на коммунистическое воспитание трудящихся. В работах Михаила Ивановича Калинина, посвященных вопросам коммунистического воспитания, мы находим четкий ответ, как нужно вести работу в массах с тем, чтобы помочь людям освободиться от груза старых привычек, пороков, склонностей, пережитков капитализма, чтобы внедрить в их сознание идеи коммунизма, привить им новые нормы общественного поведения, основы социалистической морали.

Развивая свои взгляды на вопросы коммунистического воспитания трудящихся в докладе на собрании партийного актива Москвы в октябре 1940 года, Михаил Иванович говорил:

«Коммунистическое воспитание в нашем понимании всегда мыслится конкретным. В наших условиях оно должно быть подлинно массовым, стоящим перед партией и советским государством».

В самоотверженном труде на благо социалистической отчизны Михаил Иванович Калинин видел не только источник силы и могущества Советского государства, но и форму коммунистического воспитания трудящихся. Михаил Иванович указывал, что «борьба за коммунизм — это борьба за высшую производительность труда как в смысле количества, так и в смысле качества продукции. Вот вам первое основное положение коммунистического воспитания трудящихся СССР».

Пламенный патриот, верный сын русского народа, Михаил Иванович Калинин считал важнейшей задачей коммунистического воспитания, боевой задачей партии, комсомола, нашей литературы, печати, советской школы, — культивировать и пропагандировать советский патриотизм. Любить Родину он связывал с героической историей нашего народа, он считал, что на примере славного прошлого русского народа, на достижениях его культуры, литературы, искусства, на великих завоеваниях социализма в нашей стране нужно воспитывать и закалять молодое поколение. «Проводить советского патриотизма», — говорил М. И. Калинин, — не может быть оторванной от связанной с корнями народной истории нашего народа. Она должна быть наполнена патристической гордостью за деяния своего народа».

В своих высказываниях Михаил Иванович Калинин неоднократно подчеркивал гуманизм, подлинную человечность, высокое благородство коммунистической морали.

«Коммунистические принципы», — говорил М. И. Калинин, — если взять их в простом виде, — это принципы высокообразованного, честного, передового человека, это — любовь к социалистической родине, дружба, товарищество, гуманность, честность, любовь к социалистическому труду и целый ряд других высоких качеств, понятных каждому. Воспитание, вырабатывание этих свойств, эти высокие качества и является важнейшей («стартовой» частью коммунистического воспитания».

Утверждать и пропагандировать эти принципы призвана наша литература, литература глубоких идей и возвышенных целей, литература, которая воспитывает молодое поколение смелым, бойким, умею-

сердце, сердце русского советского писателя, содрогающегося от скорби, учащенное бешущее от гнева и страстно требующее справедливости.

В нестягаемой любви к народу, к простому русскому человеку, в гордости его возвышением — лафос леоновского творчества. Вместе с огромными массами народа он возвысился над самим собой, уверился в силах родного народа, в его высоком предназначении.

С поэтическим вдохновением сумел Леонов сказать, кем является для нас, его современников, великий Сталин.

«Он вел нас вперед отважнее, чем крохотный корабельный тел, даже когда океан выгнал перед ним свою крутую лавалью спину; он вел и не спускал взора с путеводной звезды, которая была — Ленин».

«Вспомни, как качался маятник победы меж двух враждебных лагерей, и тогда стало необходимо в каждом вложить частичку благородного вольфрама кричат и становится несокрушимой сталь. И вот он родал нам себя... Так сколько же нужно было иметь внутри, чтоб не вжаться, чтоб хватало на всех, чтоб по столу оставалось в каждом про запас. Не говоря уже о молодежи, иным стало душевное вещество и старшего поколения...»

Творчество Леонида Леонова дает неопытный материал психологу для исследования того, как именно становилось иным это душевное вещество старшего поколения советских людей. Истории эпохи не раз будут возвращаться к его творчеству, чтобы проследить и понять, в каких сложных и трудных условиях велась борьба за нового человека, как партия, создавая морально-политическое единство народа, выковала поколение победителей. Художественный талант Л. Леонова по праву может считаться украшением нашей советской литературы. Это — ясная звезда первой величины, свет которой с годами разгорается и, думается, не достиг даже своего предельного накала. Несомненно, многое еще впереди у этого человека, талантливо-го на всю жизнь и — для больших дел.

Большой русский писатель

А. МАКАРОВ

о социалистической индустриализации, заведательствовавшим переход советского общества в новую фазу развития. Не случайно «Соть» вызвала восторженный отзыв А. М. Горького. «...Получилось именно «полюдное творчество», — писал он, — замечательная вещь, написанная вкуснейшим, крепким, ясным русским языком, именно — ясным, слова у Леонова светятся. А действительность он знает, как будто сам ее делал. Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел».

Первым воспоминанием о «Соти» победоносное наступление социализма на старый мир, Л. Леонов в следующей повести — «Саранча» (1930) первый в литературе открывает новаторскую тему организованного наступления большевиков на природу. В романе «Скутаревский» (1932) с огромной силой проникновения в психологию человека писатель показал победу нового в сознании представляющей старую научную интеллигенции; в «Дороге на океан» (1936) с пристрастием следователя и увлечением влюбленного он изучал крепость и моральную красоту нового человеческого характера, создавшегося в результате побед социализма.

В 30-е годы окончательно сложился творческий облик Леонова как писателя с ярко выраженным своеобразным талантом. Для него прежде всего характерны масштабность творчества, интерес к основным проблемам современности и замечательная способность овладения любым жизненным материалом. Ни в одном из многочисленных произведений писатель не противопоставил себя ни в образах, ни даже в фоне, на котором разворачивается действие. Талант Леонова — талант беспокойный, ветно ищущий, иногда ошибающийся, но предельно искренний. В построении своих романов и пьес он удивительно изобретателен, равно как и своеобразен в языке,

богатство и широта которого воспринимаются, как будущая могучая стихия.

У всех на памяти писательская деятельность Леонида Леонова в дни Великой Отечественной войны, деятельность патриота и бойца. Блестящий драматург, в годы войны он создал лучшую свою пьесу «Нашествие». Тема борьбы советского народа с врагом за свободу и независимость Родины разрешена в ней, как глубоко философская, как тема победы жизни над смертью, советского начала в душе человека над прошлым.

«Нашествие» — пьеса большого патристического звучания, в которой все средства художественного выражения направлены к тому, чтобы наиболее полно и эмоционально выразить идеи художника. Сила немецкого нашествия — сила смерти, и она способна вызвать к жизни существование только мертвых, и то на время, ибо неминуемо будет побеждена сила жизни — силой советских людей. Вспомним превосходную сцену фантома-ского бала, где гости возникают как бы ниточка, просачиваясь из шелка, дуются и трюка, как шарик из фокуса, бродят в туманном полусне, тиснет пытаясь прикриты старомодным платком свою призрачность. С большой художественной выразительностью рисует драматург положительные образы — семью Талановых, трогательную крестьянскую девушку Аниску и других, раскрывая духовную красоту и стойкость их советского характера.

Поэмой о мужестве рядовых советских бойцов, торжественным гимном их морально-волевым звучит повесть Л. Леонова о танковом экипаже — «Взятие Великошумска».

Его горячая, взволнованная публицистика военных лет была мощным оружием мобилизации душевных сил сражающегося народа. В ней как бы обнажено самое

щим бесстрашно бороться за дело Ленина — Сталина.

Михаил Иванович Калинин считал характерной особенностью русской литературы ее бескорыстное служение народу. Он не раз указывал в своих выступлениях, что наша классическая литература не только просвещала массы, но и убеждала их, призывала к борьбе с мерзостями капиталистического строя, пела песнь «безумству храбрых», зажигала в сердцах миллионов жажду борьбы, жажду свободы, способствовала росту классового самосознания пролетариата.

«Сильнейший толчок развитию и углублению революционной морали... — писал М. И. Калинин, — дал Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Некрасов. Они будили человеческую совесть, заставляли людей задумываться над жизнью, над тем, что можно сделать в ней полезного. Видя ли кто-либо еще в истории русской литературы и публицистики так властвовал над умами людей и столь действительно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Да и личная жизнь их, целиком посвященная развитию русской демократии, была окружена в глазах прогрессивного общества ореолом высокой морали».

В русской классической литературе М. И. Калинин видел проявление самобытного народного гения, величие народной души. «Русский народ, — говорил М. И. Калинин, — выдвинул из своей среды немало людей, которые своим талантом подняли уровень мировой культуры».

Советская литература, по мысли М. И. Калинина, должна быть на вооружении народа, служить могучим средством коммунистического воспитания.

Михаил Иванович Калинин звал писателя быть ближе к жизни, активно бороться в нее. В нашей замечательной деятельности он видел один из важнейших источников творческого вдохновения.

«Развернувшийся процесс социалистического преобразования общества выдвинул множество богатых и увлекательных тем, достойных кисти великих художников. Народ уже отбрасывает эти темные зерна и постепенно создает отдельные зарисовки для эпохально-героических поэм о великой эпохе и ее великих героях, как Ленин и Сталин».

В писателе Михаил Иванович Калинин видел борца, трибуна, поборника и пропагандиста передовых идей времени. О любви и гордости говорил он о творчестве лучшего поэта нашей эпохи Маяковского: «Мне кажется, величайшим образом служения советскому народу является Маяковский. Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слиться с революционным народом не только содержанием, но и форму своих произведений, так что будущие историки наверняка скажут, что его произведения принадлежали великой эпохе ломки человеческих отношений».

Цена выше всего идейность произведения, видя в художественном слове могучее и боевое оружие борьбы за коммунизм, М. И. Калинин никогда не отделил содержание от формы. Лаборатор, он неоднократно подчеркивал неразрывность содержания и формы произведения. Большой мастер слова, глубокий знаток русского языка, он был врагом трафарета и штампа, серости и искусственности. Он считал, что «для внедрения идей коммунизма требуется страсть», что верная мысль, правильная идея должны быть допущены до масс в увлекательной, красочной, яркой форме, — лишь только тогда они найдут дорогу к сердцу и разуму читателя».

Высказывания Михаила Ивановича Калинина о моральном облике советского народа, о роли литературы, о творческом методе, о месте писателя в борьбе за коммунизм являются ценным вкладом в нашу социалистическую эстетику, в советское литературоведение. Остается лишь пожелать о том, что наша профессиональная критика до сих пор мало его поработала на популяризации литературного наследия М. И. Калинина, для изучения и пропаганды его эстетических взглядов, которые подымают наше литературоведение на новую, высшую ступень.

Светлое имя Михаила Ивановича — верного Ленина, друга и соратника великого Сталина — вечно будет жить в благодарной памяти народов, как имя пламенного и бесстрашного борца за счастье человечества, за коммунизм.

Инженеры завода получают ученую степень

Группа инженеров Московского автзавода имени Сталина защитила диссертацию на степень кандидата технических наук. Ученые степени присуждены лауреатам Сталинской премии — главному металлургу завода А. Ассону, главному конструктору Б. Фиттерману, заместителю главного конструктора по легковым машинам А. Островцеву и заместителю начальника центральной лаборатории В. Прыдлому; инженерам В. Чиркову, В. Голубятникову и другим.

Научные работы инженеров завода, как правило, имеют большое производственное значение. Так, например, А. Ассон нашел эффективный способ использования отходов чугуна для производства доброкачественной продукции. Выявлена в промышленности новая марка стали, созданная В. Прыдлому. Она хорошо обрабатывается и обладает высокой прочностью. Научно-исследовательская работа все больше привлекает инженеров завода. Сейчас готовится к защите диссертаций новая группа командиров производства. Среди них — начальник центральной лаборатории В. Смирнов. Он построил ряд оригинальных приборов для спектрального анализа черных и цветных металлов. За эту работу инженер В. Смирнов удостоен Сталинской премии.

СЛУХ ОБО МНЕ ПРОЙДЕТ ПО ВСЕЙ РУСИ ВЕЛИКОЙ, И НАЗОВЕТ МЕНЯ ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...

М. РЫЛЬСКИЙ

ВСЕГДА С НАМИ

Пушкин всюду и всегда жадно прислушивался и присматривался к жизни. Он восхищался красотой Кавказа и Крыма, он любил ласковую природу Украины. Как глубоко было у Пушкина впечатление от украинской природы, свидетельствует знаменитая «Украинская ночь» в «Полтаве».

Однако в душе поэта, как лейтмотив, звучали слова, написанные еще в 1819 году: «Но мысль ужасная здесь душу омрачает», — мысль о рабстве, об угнетении человека человеком, о том, что «барство толчет человеческое достоинство». На Украине поэт увидел одну из самых отвратительнейших форм рабства — аракчеевские военные поселения.

Сылая Пушкина на юг, люди в голубых мундирах полагали, что здесь они изолируют поэта, писавшего «возмутительные» стихи, от опасных знакомств и пагубных увлечений; им представлялось, что тут он отрешится от своих «заблуждений». Но они жестоко проецировались. Вольнодумец не только не сделался «благонамеренным», но еще больше возненавидел рабство, еще глубже стала его любовь к свободе и к народу.

До Пушкина доходили известия о народных мстителях, таких, как Устин Бармеюк, о народных восставших, таких, как восставшие крестьяне Доргогизка, Черниговской губернии, убивших своего жестокого пана. Эти «бунты» утверждали Пушкина в мысли, что в народе неутомимо пылала любовь к свободе, то пламя, которое так ярко пылало в груди самого поэта.

Любовь к свободе! Пушкин был свидетелем ярчайшего выражения этой любви — бегства из Екатеринославской тюрьмы двух приговоренных друг к другу арестантов. Этот эпизод послужил, как известно, основой для его поэмы «Братья разбойники».

Любовь к свободе!.. В селе Каменке, в имении Давыдова, где в ноябре 1820 года, приехав из Кишинева, гостил Пушкин, поэт участвовал в вольнолюбивых беседах будущих декабристов. В Каменке он внимательно прислушивался к разговорам «простых людей», слушал песни и думы слепого козара.

Глубокий интерес поэта к Украине, к ее жизни и к ее прошлому сказался не только в поэме «Полтава», но и в плане неосуществленной «Истории Украины». Во время «службы» на юге Пушкин еще в 1821 году добывал в Биеве, о котором, как о сказочном городе, мечтал, создавая «Руслана и Людмила». В Биеве Пушкин встретился с будущими участниками декабрьского восстания. И здесь — в Лавре — видел он могилу Искри и Бочубея, о которых вспоминал потом, создавая свою «Полтаву». Здесь размышлял поэт о великой славе предков и о великом будущем нашей Родины.

Интерес Пушкина к Украине объясняется, конечно, не тем, что его «по парской воле» послали туда... Об этом свидетельствует еще юношеское стихотворение «Казаки». По пребыванию на Украине усилило его интерес к этому краю, который он такими добродушно-шутливыми словами описывает в «Гусаре» и такими чистыми и поэтичными — в «Полтаве».

Пушкин хорошо знал собрание украинских народных песен Максимовича, внимательно и критически изучал четверостишью «Историю Малой России» Д. Байтш-Бамековского, всматривался «Вечерами

на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Его «Полтава» — не только гениальный ваятель поэтического воображения, а и плод серьезного изучения прошлого нашей страны.

Пушкин знал Украину и — мы можем это смело сказать — любил ее. Горячей любовью отвечали Пушкину лучшие люди Украины. Начиная с Боровиковского, еще при жизни великого поэта переведенного на украинский язык «Два ворона», а позднее «Зимний вечер», и Евгения Гребенки, который перевел и опубликовал в 1836 году «Полтаву», украинские поэты не раз обращались к творчеству величайшего гения русской и мировой поэзии.

И. Франко в последние годы своей жизни перевел «Бориса Годунова» и «Маленькие трагедии». Шевченко не раз вспоминает и цитирует Пушкина в своих повестях и «Дневнике». Примечательно, что одним из любимых его стихотворений было стихотворение «Он между нами жил» (о Мицкевиче), где выражена мысль, бывшая действительно мечтой самого Шевченко, «...о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Мечта эта у нас, в Советском Союзе, сбылась. В великой семье наших народов Пушкин является любимейшим и высоко чтимым поэтом. Так, на Украине переведены почти все его произведения. У нас нет ни одного значительного поэта, который не принял бы участия в этой бесконечно ответственной и почетной работе. П. Тычина, обращаясь к памятнику Пушкина в Одессе, воскликнул: «Здравствуй, Пушкин мой!»

Пушкин вместе с Шевченко и Мицкевичем всегда оставался и моим неизменным спутником. Именно эти поэты и народ — мои учителя. Когда я писал поэму «Марина», то даже не скрывал своего ученичества, как это зачастую водится у поэтов. У этих гениев я учился — учусь и ныне — простоте, ясности, экономии художественных средств, а главное — любви к Родине, любви к человеку.

И с огромным волнением и даже страхом делал свои первые шаги как переводчик Пушкина на украинский язык. Особенной силой достигли эти чувства, когда мне предложено было перевести «Медного всадника». Перевод «Медного всадника» был самой большой творческой мукой и самой большой радостью в моей жизни. Помню, когда глубокой ночью мне после долгих исканий удалось как будто удовлетворительно перевести строки «Шипенье пенных бочагов и пушица пламень голубой», я заплакал от восторга, разбудил всех домашних и читал им это место...

Искусство бесконечно, жизнь коротка. Я возвращаюсь время от времени к своим переводам из Пушкина и беспощадно правлю их. Этим, кажется мне, я воздаю скромную дань памяти благоговейно любимому мною учителю.

Сегодня каждый колхозник, каждый рабочий нашей страны может сказать: Пушкин мой. Когда мы узнаем, что в таком-то селе силами колхозной молодежи поставлен «Каменный гость», это не может не вызвать глубочайшей радости в сердце каждого честного советского человека. Да, к Пушкину не только «не заросла народная тропа», — она стала широкой дорогой, по которой советские народы идут к вершинам культуры и знания. Пушкин вошел в нашу жизнь, он наш, он с нами, он всегда будет с нами.

А. С. ПУШКИН Автолитография худ. А. ПРУДСКОГО.

Мамед РАГИМ ПУШКИНУ

Я вижу тебя на багровом снегу —
Сквозь век отгоревший, сквозь времени бег
Я выстрел убийцы забыть не могу,
Забить не могу окровавленный снег.

Легит пистолет чужеземный, дымясь,
Дерева, как в саване, в снежной пыли...
И горе России оплакал Кавказ
Слезами, стихами Мирза-Фатала.

Ты воздух Кавказа любила неспроста,
— Как горы его, ты душою высока,
Она, словно снег на вершинах чиста,
Сильна и мятежна, как горный поток!

...Сегодня смотрел я на памятник твой,
На бронзовый отблеск неумерших
...глаз,
Мне так захотелось, чтоб снова, живой,
Увидел бы ты мой любимый Кавказ!

Пройдешь ты по горной узорной тропе,
Увидишь вершины в лиловом снегу,
И выйдут счастливые люди к тебе,
Ковры расстелив на зеленом лугу.
Ты сядешь в кругу, как хозяин, — не гость.

В янтарном соку виноградная гроздь.
В лицо человеку, на пламень зарю
Двадцатого века смотри и смотри!..

Увидишь ты мир в благодатном краю
И подвиг, живущий в грядущих веках.
Услышишь, как светлую песню твою
Земля повторяет на ста языках.

Горит благородное сердце твое
Торжественным светочем иллой земли...
На этой земле я живу, чтоб ее
Потомки убийц оксвернить не могли!

Перевел с азербайджанского
А. ПЛАВНИК

Ц. ГАЛСАНОВ БЕССМЕРТИЕ

О, неподкупный гений слова,
К свободе рвущийся орел!
Тебя всю жизнь держал в оковах
Самодержавный провоз.
Но шестни были все усилья,
— Для слов, для песен нет тюрьмы.
Ты их пронес на вольных крыльях
В страну, что сами строим мы.
Сильна любовь к тебе в народе,
Гордится он твоим трудом.
Желанным гостем ты приходишь

И в русский и в бурятский дом.
Твои великие творенья,
Все то, что ты когда-то пел,
Даёт нам пламя вдохновенья
Для новых плодотворных дел.
Перешагнув былого строя
Уродливые рубежи,
Бессмертны! вместе с нами строим
Ты нашу солнечную жизнь!
Перевел с бурят-монгольского
С. ДУНАЕВ

Сабит МУКАНОВ

ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ И КРАСОТЫ

Пушкин!.. В ком не вызывает это имя радости трепета сердца? Слух о нем «прошел по всей Руси великой». Он для нас — как великий молодой и неутомимый спутник, как живой источник познания и красоты в жизни, как родник красоты и вдохновения в зрелости.

Я вспоминаю свое первое знакомство с Пушкиным. То было зимой 1916 года. Маленький казахский аул, в котором я жил тогда, назывался Жуан агаши, в нем было всего шесть-семь дворов. В этом ауле прожизнал деклар по имени Сасыкбай, по прозвищу «букир мола» (горбатый мулла). Он «срочивал» все болезни — от простуды до сумасшествия. Он занимался и кустарным делом, в том числе переплетал книги.

Как-то в доме «букир мола» появилось большое количество книг, которые он взялся переводить для некоего Мамедова.

Я искал казахские книги и нашел только одну. Она называлась «Стихи Абая (Ибрагима) Кунанбаева». Край наш был настолько глухим, что даже этого имени никто у нас тогда не знал.

Чтение стихов Абая открыло передо мной совершенно новый мир. Прояснилось многое из того, что было до сих пор туманно и в личной моей жизни, и в жизни моего народа. А главное — по сей день вспоминаю это с благодарностью! — через Абая я узнал о Пушкине.

В сборнике Абая была часть стихов, объединенная общим названием «старжама-лар» (переводы). Я знал значение этого слова. В числе переводов содержались письма Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне. Автором этих стихов значился А. С. Пушкин.

Я сразу же тогда влюбился в Пушкина! Как не влюбиться, как не отдаться тарам

таких чудесных стихов! Е тому же я был шестнадцатилетним юношей, сыном бескрайней казахской степи, который начал сознавать, что он уже живет — «кавалер». А пушкинские стихи заволашевали душу молодым людям. Не буду скрывать: два строфа из письма Онегина превратились в «мой» и были посланы девушкам аула Жуан агаши..

Незнакомый А. С. Пушкин изо дня в день выростал перед моими глазами, становился моей душе все ближе и родней.

Но кто он, из какого рода и племени, я еще не знал и все больше жаждал узнать.

Обнаружилось, что среди книг, принятых «букир мола» для переплета, оказалась обильная том стихов на русском языке. «Букир мола», единственный грамотей в ауле, разбиравший русский алфавит, заявил, что это сочинения самого А. С. Пушкина. Мы открыли книгу и увидели портрет поэта, «Он и есть сам Пушкин», — объявил грамотей.

Нет слов выразить, как мне захотелось прочитать эту книгу, погрузиться в нее. Мы перелистывали страницы, но тщетно. Никто в ауле не умел читать по-русски. Сам грамотей разбирал только буквы, но не знал значения русских слов.

Жажда познания Пушкина начала я улетать лишь зимой 1918 года, когда стал учиться на краткосрочных курсах по подготовке аульных учителей. Еще и тогда я очень слабо знал русский язык, но уже нетерпеливо принялся читать пушкинские творения в оригинале.

С тех пор я не переставал читать Пушкина. Конечно, из года в год я по-

знавал его все больше и, думаю, не будет несерьезно, если скажу, что теперь знаю хорошо. Он вотает передо мной еще выше, во много раз выше, чем тридцать два года назад. Как не преклониться пред ним — великаном художественного слова, гением русской и мировой поэзии! Как не любить его! Это значило бы не любить правду. Он правдив и величествен в каждом своем творении.

Это как будто противоречиво, но я, глубоко любя Пушкина, до сих пор еще не перевел ни одного из его произведений. Всякий раз, когда думаю об этом, кажется, что нехватит сил и способностей, чтобы передать на казахском языке всю прелесть и колорит пушкинских поэзии. Так велик, самобытен Пушкин, что нет возможности со всей абсолютной точностью передать в переводе богатство его мастерства.

Впрочем, мои товарищи в этом отношении смелее меня. Несмотря на трудность перевода произведений Пушкина, казахские поэты и писатели за последние два десятилетия вложили в это дело много труда. Одним из результатов этой многолетней работы является вышедший в этом году одностомный избранный сочинений великого поэта на казахском языке. В одностомнике включены все основные произведения Пушкина, в том числе «Евгения Онегина», переведенный Куандыком Шангитбаевым.

Мне пришлось редактировать перевод «Евгения Онегина». Я еще раз перечитал роман в оригинале, чтобы сопоставить его с переводом. И еще раз ощутил, какая это огромная, сияющая вершина, возвышающаяся над горными хребтами поэзии. Было радостно и за Куандыком Шангитбаевым. Если он и не нашел абсолютного

эквивалента к оригиналу, то во всяком случае такой перевод, который будет с любовью прочитан широкими массами читателей-казахов.

На нас, казахских писателей, поэтов Пушкина оказывало и оказывает огромное влияние. Он — один из ярчайших выразителей могучей прогрессивной русской культуры. Я пока не переводил его произведений и в этом смысле как бы «долгу» перед Пушкиным. Но, как мне кажется, я выполнил перед ним свой долг в другом отношении — в том, что стремился и стремлюсь продолжать его традиции в собственной работе.

С первых лет знакомства с Пушкиным он поразил и увлек меня глубокой народностью своего творчества, духом свободной любви, светлым оптимизмом и верой в силы своего народа. Он пламенно любил родину — великую Россию, могучий русский народ. И так же, как он писал, говорил о нем, хотелось мне рассказать о родном казахском народе.

Нам всегда будет служить образцом то, как живо и активно отзывался Пушкин на явления своей современности, как всеобъемлюще широко отражал на картинах своей эпохи. Невольно мечтаешь в том, чтобы создать о наших днях произведение, подобное «Евгению Онегину» — этой «эпикопаидеии русской жизни» того времени. Эта задача волнует меня, как и других прозаиков и поэтов.

Сейчас, после десятилетия нашей литературы в Москве, воздушные встречи с трудящимися столицы, с русскими писателями, мы с особой радостью думаем о замыслах наших новых романов, повестей, поэм, над которыми будем работать. И великий пример вечно живого Пушкина неизменно сопутствует этим замыслам.

Г. ГУЛИА В ГОРАХ

Посредине зеленой долины стоит огромное, широковетвистое дерево. Оно с достаточной точностью обозначает геометрический центр села Ачацдара. Село кажется обращенным лицом к морю, ибо все дома, словно сговорившись, глядят фасадами на юг; за спиной Ачацдары — горы, почтительно выстроившиеся. Эта почтительность селовалась исполнимо едва ли когда-либо смущает: село-то, сказать по правде, тоже не молодое, а дереву, пожалуй, треть сотня пошла — по годам и повети!

Однако в возрасте своем, не голубыми туманами, стелющимися у подножья хребтов, не чинарами примечательно киче это село, хотя и возраст, и туманы, и чинары не могут не вызывать к себе уважения. Село привлекает ночью, трудовой доблестью, богатством и знатностью колхозных дворов, своей культурой.

В августе прошлого года группа абхазских поэтов приехала в Ачацдару. На дворях школы уже висело красочное объявление о литературном вечере. Все колхозные бригады были оповещены об этом.

Под знаменитым деревом соорудили импровизированные пьедесталы, устанавливали трибуну, которую оставили из клуба, расставляли скамьи. Школьники подвешивали электрические провода к дереву.

«Клуб не может вместить всех желающих», объявила хозяйка, — а поэтому решено проводить вечер под открытым небом...»

Взошла луна. Ее появление показало нам сигналом: вдруг толпами повалили люди. Они шли со всех сторон, и под деревом стало так же шумно, как бывает шумно в ненастную погоду.

Вечер открылся вступительным словом директора школы — его выставляли вперед, как боевого коня, наказав ему не ударить лицом в грязь перед гостями из города. Сначала он говорил с некоторым напряжением, подбирая красивые слова, цитируя выкусты стихов присутствующих поэтов. Но скоро он перешел на обычную речь — крестьянскую, с такой хитрой, пересплетенной словесными, и это у него получилось прекрасно.

После директора один за другим выступили гости, читали свои стихи. Из публики неслышно «аааааа», — люди поднимали свои любимые произведения. Делать нечего, пришлось выйти далеко за пределы намеченной программы.

Когда вечер подошел к концу, мой сосед справа попрощал слова.

«Большое вам спасибо», — сказал он поэтам, — однако, я полагаю, вам было бы приятно послушать и наше чтение...»

Его приятели охотно согласились, неудобно, подумавши, экая невдала! — аландарские чтецы! Собственно говоря, так и полагалось вести себя хозяевам из обычной скромности. По гостям потянулись — и предложение старика было принято.

Где-то в затаивших рядах послышалась воюя.

«Пипу, Пипу», — послышался голос. Между рядами начала протискиваться девочка лет пятнадцати.

Она подползла на трибуну, из мигнутой задумалась и начала читать стихи. Ее слушали с немим восторгом.

Она читала «Бывала» Александра Сергеевича Пушкина, читала на родном языке.

Кавказ подо мною. Один в вышине Стою над снегами у края стремнины..

Старик, мой сосед по скамье, сказал мне руку и шепнул:

«Хорошо начато. Не правда ли?»

Но, повидимому, и конец пригласил всем по вкусу: «собрание бурно аллодровало тевочке, требовало еще много стихов».

«Сама знаешь каких», — кричали ей.

Девочка понимавше улыбку, и знаковая музыка лобных стихов снова зазвучала в горах.

Я помню чудное мгновенье..

— читала девочка, и все слушали ее, затаяв дыхание.

Сверху дала голубоватый свет луны. Проходя сквозь листья, он падал круглыми пятнами на лица, и я видел глаза тех, кто слушал стихи. То были простые человеческие глаза, в которых отражалось горячее волнение сердца.

— Правится? — ошарсы я, в свою очередь, соседа.

Он подумал.

«Мне кажется», — сказал он, — кто-то взял мое сердце в теплые руки и гладит его нежной ладонью..»

Старик взглянул на меня вопрошающе — он был не уверен в том, что достаточно ясно выразил свою мысль..

Я ослышался вокруг. Мы сидели под широким небом, залитым лунным светом, на земле, которой очень много лет.. под деревом, которому тоже немало лет..

Но когда, в какие времена слышались здесь предстельные пушкинские стихи, переданные на родную речь?

Да, не мало лет творениям Пушкина. Не мало лет селу Ачацдара. Но никогда прежде не раздавались здесь слова великого поэта.

Какая же сна сна воедино путь геонального русского поэта и моего маленького села, затерянного в горах. И я невольно думаю о ней, об этой могущественной силе, имя которой — большевик..

Поздно, августовский звездолет облетел, как восток. А стихи Пушкина все еще звучат, звучат, — то ачацдарцы хваляты им, как своими собственными, ибо стихи эти — их гордость.

Пройдет много лет, и многое может быть, изгадится на памяти, но впечатление от этого литературного вечера в горах будет вечно живым, и я буду повторять слова поэта, думая об этом голубоватом вечере:

Я помню чудное мгновенье..

Да, то было вечно чудное мгновенье, ибо в нем, как в калле воды, отражение солнца нашего нового бытия, ибо оно явилось еще одним подтверждением глубокого пророчества поэта, пророчества, сбывшегося в нашей великой стране соплаыама:

...И назовет меня всяк сущий в ней языке..

Антанас ВЕНЦЛОВА

ВДОХНОВЛЯЮЩЕЕ СЛОВО

В Вильнюсе, столице Литвы, поныне сохранилась старая церковь, построенная женой великого князя Гедимина — основателя города. В церкви этой в 1707 году Петр Первый крестил прадеда Пушкина — Гашинбаба. Неподалеку от Вильнюса есть усадьба Маркувай, в которой в 1889 — 1905 гг. жил младший сын великого поэта — Григорий Александрович. В усадьбе этой сейчас оборудован Пушкинский музей. В Вильнюсе и Каунасе есть также места, связанные с именем великого друга Пушкина — Адама Мицкевича.

Сегодня у нас можно видеть волнующие картины паломничества к этим местам: школьные экскурсии, делегации. Литовский народ свято чтит пушкинские места. Бессмертное слово поэта давно достигло отдаленнейших уголков Литвы. Пушкина сейчас читают и любят тысячи литовских колхозников, балтийские рыбаки, рабочие, интеллигенция, молодежь. В нем они видят яркое воплощение гения великого русского народа.

Знакомство литовского читателя с Пушкиным восходит еще к тем временам, когда в 1885 году впервые, в литовском журнале «Аушра», был напечатан перевод баллады «Утоленник». В Литве можно встретить немало представителей передовой интеллигенции старшего поколения, учившихся в русских школах и университетах. Они были хорошо знакомы с произведениями великого поэта и глубоко целили его творчество, пропитанное идеями свободной воли и патриотизма. Литовский поэт П. Вайцетис, учившийся в Петербургском университете, еще в конце XIX века перевел на родной язык «Скупного рыцаря», «Русалку». В ту пору в Петербурге существовал любительский литовский театр; в 1902 — 1903 г. он осуществил постановку «Скупного рыцаря» на литовском языке. Через год появился первый перевод отрывков из «Евгения Онегина».

С Пушкиным неразрывно связана история нашей культуры, литературы. Во второй половине XIX века он оказал большое влияние на поэтов, объединившихся вокруг крупнейшего журнала того времени — «Аушра» и «Варнас». Влияние это испытали и поэты более позднего периода — Л. Гира, Т. Тильвинтис и др.

В 1919 году в Литве воцарилась буржуазно-фашистский режим. Фашистские заправщики стремились глухой стеной отгородить страну от Советского Союза, от русской культуры. Литвь жаркая появлялась с тех пор в печати новые переводы

пушкинских произведений. По надолго задержать попытку реализации его творчества не удалось и фашистские сатраны. В 1937 году прогрессивная часть интеллигенции организовала в городах Литвы проведение стотогоднего юбилея со дня гибели Пушкина. Лучшие литовские писатели перевели и опубликовали многие образцы его лирики, издали большой сборник его прозы. Юбилей поэта превратился в демонстрацию дружбы, привязанности и любви передовой части литовской интеллигенции к великому русскому народу и его культуре.

А в 1940 году литовский народ сломал галухую стену, возведенную буржуазией; он вошел в братскую семью советских народов, получил неограниченный доступ к сокровищам русской культуры. С этих пор творчество Пушкина стало необыкновенно популярным у трудящихся Литвы. За эти только послевоенные годы у нас издано произведений великого поэта в несколько сот раз больше, чем за все предыдущее время. Отдельными изданиями вышли проза Пушкина, его лирика, «Борис Годунов». Впервые литовский читатель познакомился на родном языке с полным текстом «Евгения Онегина», «Медного всадника», — я счастлива, что на мою долю выпала честь переводить их.

В числе переводчиков и популяризаторов Пушкина — талантливейшие литовские писатели Л. Гира, П. Пайрка, В. Миколайтис-Путинас, Т. Тильвинтис, А. Ургинис, Б. Жалонис, поэты молодого поколения. Творчество Пушкина неизменно обогатило нашу литературу. Литовские писатели учились и учатся у гениального поэта глубине отражения действительности, величественной простоте, необычайной ясности и красоте стиха.

Позднее время, когда литовский читатель получил полное собрание сочинений Пушкина на своем родном языке, осуществленный литовскими писателями перевод этого собрания — событие огромного культурного значения, которое лишь и стало возможным в Советской Литве.

Вморожившийся к новой жизни литовский народ благоговейно чтит славу русского национального гения, чья прекрасная поэзия вдохновляет нас, помогает нам в борьбе и труде на пути к светлому будущему коммунизма.

